

МЭТТ ХЕЙГ
ТЕНИСТЫЙ
ЛЕС

Никогда не ходите в лес...

Мэтт Хейг
Тенистый лес
Серия «Миры Мэтта Хейга»
Серия «Сэмюэль Блинк», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7759766

Тенистый лес: Роман / Мэтт Хейг; [пер. с англ. С. И. Долотовская].:

АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-090291-0

Аннотация

Знакомьтесь, это наш герой Сэмюэль Блинк. Только он об этом не знает. О том, что он – герой и самый притом настоящий. Сэмюэль спас свою сестричку Марту из плена ужасно-ужасной злой ведьмы, которая охотится за теньями и живет – а вы думали где? – в Тенистом лесу, где водятся одноглазые добрые тролли, правдивые пикси и опасные хульдры, которые потом передумали быть опасными и стали петь гимны солнцу.

Однако для того, чтобы выручить Марту, Сэмюэлю пришлось ненадолго стать белым кроликом, а преданному псу Ибсену удалось вернуть свой прежний – человеческий – облик.

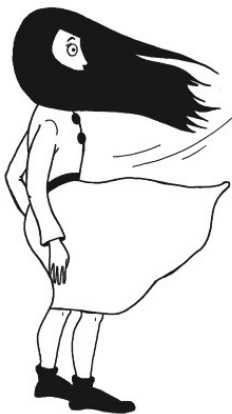
Содержание

На пути к большому сюрпризу	11
Тетя Ида	21
Девочка-данетка	26
Рассказ о старом Торе	37
Место, о котором нельзя говорить	47
Суп из Рудольфа	53
Правила	57
Хюльдры	58
Кошка с двумя ошейниками	62
Полет ведьмы теней	68
На кухне	75
Рассказ о том, что случилось с дядей Хенриком	81
Существа тенистого леса	86
Ночные песни	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Мэтт Хейг

Тенистый лес

Посвящается Андреа

Публикуется с разрешения литературных агентств
AP Watt Limited и The Van Lear Agency

© Matt Haig, 2007

© С. Долотовская, перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Это место, куда путь заказан любому живому существу. Здесь зло имеет множество обличей, а существа из легенд и мифов живут и дышат. И убивают. Это место за пределами снов и кошмаров – место, которое внушает такой страх, что до сих пор у него не было имени. Но теперь, в этой книге, я объясню необъяснимое и дам страху имя, которого он заслуживает. Это имя – Тенистый лес, и оно поселит ужас в ваших сердцах.

Профессор Горацио Тэнгловуд

Люди и другие существа, которых вы встретите в этой книге люди

СЕМЬЯ БЛИНКОВ

Сэмюэль Блинк. Двенадцатилетний мальчик, чуть менее везучий, чем большинство людей. Он никогда не считал себя героем. А зря, потому что герой из него получился отличный.

Марта Блинк. Младшая сестра Сэмюэля, которая думает, что она играет в мюзикле. Но это не так. Она сидит на заднем сиденье родительской машины и распевает дурацкие песенки прямо на ухо Сэмюэлю. Ну что ж, сегодня ведь день ее рождения.

Айв Блинк. Мама Марты и Сэмюэля. Пение Марты ее вовсе не раздражает, в отличие от стиля вождения ее мужа.

Питер Блинк. Папа Марты и Сэмюэля. Сумасшедший во-

датель. Если он доживет до конца первой главы, это будет большой удачей.

НОРВЕЖЦЫ

Тетя Ида. Норвежская сестра Лив Блинк. Тетя Сэмюэля и Марты. Бывшая олимпийская чемпионка по метанию копья. Обладательница лампы счастья, десяти пар теплых кальсон, дома возле Тенистого леса и волосатого подбородка. Она тоскует по своему мужу, дяде Хенрику, который десять лет назад пропал в лесу.

Дядя Хенрик. Чш-ш-ш! Не упоминайте дядю Хенрика при тете Иде. Она скорее всего начнет плакать.

Оскар. Бакалейщик в деревне Флом, питающий слабость к галстукам-бабочкам и высоким женщинам (особенно к тете Иде).

Фредрик. Сын Оскара, любит играть со своим калькулятором. Не беспокойтесь о нем: он встретится вам только в двух главах.

Старый Тор. Он старый. И... э-э... его зовут Тор. Он рисует горы и фьорды. И попадающихся ему иногда двухголовых троллей.

ДРУГИЕ ЛЮДИ

Профессор Горацио Тэнгловуд (он же Мастер перемен). Злобный англичанин, живущий в деревянном дворце в самом сердце Тенистого леса, которым он правит под именем

Мастера перемен. Он написал книгу «Существа Тенистого леса» и держит в банках замаринованные головы своих врагов. Его любимая музыка – детский крик. В настоящее время он работает над своей автобиографией.

Автор. Носит довольно скучное имя Мэтт Хейг, хотя при крещении его нарекли Церебубулем Осрихом Винтерботтомом Третьим. Дважды он грубо прерывает повествование как раз тогда, когда вы только начинаете входить во вкус. Однажды он наткнулся на Профессора Горацио в его личной библиотеке. Профессор попросил его одолжить ему ручку, но так никогда ее и не вернул.

СОБАКА

Ибсен. Норвежский элкхаунд тети Иды. Любит коричневый сыр, спать и человеческих детей. Ненавидит лес.

СУЩЕСТВА ТЕНИСТОГО ЛЕСА ВЕДЬМЫ

Ведьма теней. Используя силы теней, преобразует себя и других лесных обитателей. Живет со своим хозяином, Профессором Горацио Тэнглвудом, в его деревянном дворце. Ведьма теней выдыхает облака теней и, покидая лес, имеет обыкновение превращаться в кошку.

Снежная ведьма. Сестра Ведьмы теней, накладывает заклятья на погоду. В настоящее время находится в подземном заключении. Силы ее иссякают, и ее ждет верная смерть. Она

знавала лучшие времена.

ХЮЛЬДРЫ

Вжпн. Жестокий до кончиков ногтей тюремный страж, который, как и все хюльдры, боится солнечного света и живет под землей. На случай, если вы пытаетесь понять, как произносится его имя: оно никак не произносится. Это невозможно.

Грентул. Чуть менее жестокий тюремный страж, бесконечно преданный Профессору Тэнглвуду (известному хюльдрам как Мастер перемен). Мечтает о былых временах, когда хюльдры не боялись солнца.

ТРОЛЛИ

Троль-правый и Троль-левый. Две головы одного тролля, которые ненавидят друг друга до дрожи в желудке (который, с технической точки зрения, у них один на двоих). *Троль-папа, Троль-мама, Троль-сын и Троль-дочка.* Дружелюбное семейство троллей, имеющее на всех один-единственный глаз.

ДРУГИЕ СУЩЕСТВА

Томте. Золотистое бочкообразное существо, которое носит одежду ярких цветов и распевает радостные песенки даже тогда, когда знает, что радоваться совершенно нечему.

Правдивый пикси. Пикси, живущий в бревенчатой хижине.

не в восточной части Тенистого леса. Он травит ядом всех проходящих мимо и считает ложь неприемлемой. (Если он пригласит вас на обед, имейте наготове подходящее оправдание.)

Летающие головостуки. Смертельно опасные существа, разбивающие клювом любой череп, который могут найти, чтобы насладиться мозгом, их любимым деликатесом.

Спун. Гигантское существо, покрытое мехом и сочетающее в себе черты медведя и льва, с животом более удобным, чем любая подушка. Проводит большую часть жизни во сне, наслаждаясь снами про ягоды. Способен отхватить голову человека за один укус.

Кролик Серохвост. Пожилой кролик, который убедил всех остальных кроликов в загоне, что Тубула, кроличий бог, их всех спасет. В действительности же они скорее всего окончат свое существование в котле троллей.

Калуши. Более глупые даже, чем кролики, калуши – долгоязыкие трехголовые птицы, которые носятся по лесу, куда-то и поминутно падая в ямы.

На пути к большому сюрпризу

Бревна, лежащие в кузове фуры, были уложены в подобие пирамиды и закреплены тремя серыми ремнями, сделанными из материала, который Сэмюэль Блинк не мог распознать. Один из ремней был затянут слишком слабо, из-за чего бревно подпрыгивало, словно им не сиделось на месте или они мечтали сбежать и вернуться обратно в лес.

Фура на отчаянной скорости обогнала машину.

– Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? – возмущился Питер, папа Сэмюэля. – Какой-то маньяк!

Папа Сэмюэля считал маньяками всех водителей, кроме себя самого, а водителей грузовиков – самыми большими маньяками из всех.

– Прекрасно, – сказал он, когда огромная фура начала сбавлять скорость. – Так мы никогда не доберемся до места.

Фура с бревнами теперь ехала прямо перед их машиной, занимая обе полосы, так что белая разметка дороги вылетала из-под ее кузова, вспыхивая, словно лазерные лучи.

– Торопиться некуда, – сказала мама Сэмюэля, которую звали Лив. Когда папа начинал сердиться, она становилась снисходительной как никогда.

Сэмюэль не знал, куда они направляются. Единственное, что он знал, это то, что он не желал больше ни минуты терпеть пение своей сестры. А точнее, «хрипение задушенной

кошки» – вот как следовало бы описать этот звук.

– Мам, скажи Марте, чтобы она перестала издавать эти ужасные звуки.

– Это не ужасные звуки! Это красивое пение, – с досадой воскликнула мама.

Это было вранье. Один из миллионов случаев родительского вранья, к которым Сэмюэль успел привыкнуть за те двенадцать лет, что он провел на этой планете. Но он знал, что сегодня не добьется ни от кого поддержки. В конце концов, это был день рождения Марты – факт, подтверждавшийся двумя большими значками на ее свитере, которые гласили: «МНЕ 10» и «10 СЕГОДНЯ».

Пение стало громче. Голова Сэмюэля затряслась совсем как бревна в грузовике, когда он прижал ее к окну машины, глядя на мелькание травы вдоль дороги.

– Пап, – сказал он, обращаясь ко второму по званию члену их семьи, – скажи Марте.

Папа его проигнорировал. Он был слишком увлечен ворчанием по поводу фуры у него перед носом.

– Это просто смешно! Зачем, черт возьми, обгонять, если собираешься сбросить скорость?!

Марта заерзала под своим ремнем безопасности и громогласно пропела Сэмюэлю прямо на ухо: I'm your baby girl, And you could be my world...

Тьфу! Сэмюэлю показалось, что его сейчас стошнит. Даже в свои лучшие дни он ненавидел пение сестры, но особенно

он его ненавидел, когда и так был уставшим. А этой ночью он спал всего два часа, потому что ему снился его обычный кошмар. Кошмар про странных хвостатых монстров с серой кожей и немигающими глазами. Он проснулся в холодном поту и уже не смог заснуть.

– Твое пение нужно давать слушать убийцам в качестве наказания, – сказал он Марте.

– Заткнись, вонючка. Ты просто завидуешь.

И она снова завела свою волынку, напевая отрывки глупых девчачьих песенок о любви. Он знал, что она способна петь с утра до ночи. Она и пела с утра до ночи – каждый божий день. Как будто вся ее жизнь была одной длинной песней. Как будто она застряла в одном из тех дурацких мюзиклов, которые она вечно смотрела по телевизору.

Сэмюэль снова отвернулся к окну и стал молиться о том, чтобы Марта замолкла.

Стала тихой, как бревно.

Даже когда она просто говорила, она превращала свою фразу в песню, повышая и понижая голос так, что каждое слово звучало отдельной нотой.

Поэтому вместо того, чтобы спросить: «Куда мы едем?», она пропела, то повышая, то понижая голос:

– *Мама и папа, куда мы едем?*

На что их мама ответила:

– Ты же не хочешь испортить большой сюрприз, не правда ли?

– Да-а-а, – пропела Марта.

– Ну, скоро сама все увидишь, – ответила мама.

– Не увидишь, если мы так и будем торчать позади этой штуки, – возразил ее папа, имея в виду фуру с бревнами.

Сэмюэль раздумывал, что за большой сюрприз приготовили родители. Он надеялся, что это будет парк аттракционов, как на его последнем дне рождения. Мертвая петля на американских горках, возможно, заставила бы Марту заткнуться, хотя бы ненадолго. В тот раз он ходил с папой на аттракцион под названием «Катапульта», который развивал такую скорость, что невозможно было даже повернуть голову. Сэмюэль наслаждался каждой секундой этой безумной гонки, а папа притворялся, что чувствует то же самое, пока ему не пришлось поспешить в туалет, чтобы избавиться от съеденного обеда (родительская ложь номер 910 682).

Однако теперь Сэмюэль начал подозревать, что большой сюрприз окажется гораздо скучнее парка аттракционов. Он размышлял о тех дурацких вещах, которые любила делать Марта.

Кататься на лошадях...

Делать прически...

Тратить карманные деньги на дурацкую музыку...

Слушать дурацкую музыку...

Петь дурацкие песни...

Поэтому, с учетом интересов Марты, Сэмюэль сузил круг вариантов, оставив следующие: весь день трястись на лошади, смотреть на то, как сестру стригут в шикарной парикмахерской, или – в худшем случае – пойти на мюзикл. Возможно, даже на мюзикл про парикмахера, который участвует в скачках и посвящает песни своей лошади.

Сэмюэль улыбнулся этой эксклюзивной версии ада у себя в голове.

Би-бишш!

Грезы о людях, поющих песни лошадям, были прерваны папой, который резко просигналил фуре впереди них.

– Это просто смешно, – пробормотал он, включая поворотник.

– Питер, что ты делаешь? – спросила мама.

– Поворачиваю. Если мы будем ехать за фурой, то проторчим на этой дороге весь день. И ты видела, как закреплены эти бревна? Того и гляди случится авария.

– Но мы же не знаем здешних дорог.

– У нас есть карта. В бардачке.

О-о-ох.

Сэмюэль с Мартой знали, что означает карта. Она означала, что папа с мамой затеют серьезную ссору по меньшей мере на час, споря о том, где они должны повернуть налево.

– О'кей, – сказала мама. – Нам нужна трасса В шесть четыре два. Дети, ищите трассу В шесть четыре два.

– В шесть четыре два, – пропела Марта.

В шесть четыре два.

Они три раза проехали по кольцевой развязке, прежде чем Сэмюэль заметил указание на В-642, незаметным шрифтом нанесенное на маленький зеленый дорожный знак.

– Вот она, – сказал он.

Машина свернула с развязки, и не прошло и пяти минут, как карта вызвала обычную ссору по поводу поворота налево. Сэмюэль продолжал смотреть в окно, именинница – петь, а ссора их мамы и папы тем временем пустила корни и начала разрастаться.

– Налево.

– Что?

– Слишком поздно. Мы должны были только что повернуть налево.

– Могла бы мне сказать. Карта-то у тебя.

– Я и сказала.

– Ну-ну. Ты могла мне сказать до того, как мы проехали этот проклятый поворот.

– Эта глупая старая карта. В ней слишком сложно разобраться.

Сэмюэль задумался о том, что только что сказала его мама. Интересно, как карта может быть глупой? Потом он подумал о дереве, которое превратили в бумагу, чтобы напечатать эту карту. Возможно, дерево в отместку сделало карту такой непонятной.

Как бы то ни было, они пропустили поворот налево и те-

перь застряли на трассе В-642.

– Если мы проедем дальше, то сможем вернуться на автомагистраль, – сказала мама Сэмюэля, изучив карту.

– Потрясающе! – воскликнул папа Сэмюэля. – Вернуться туда, откуда мы приехали!

– Это была твоя идея свернуть.

– Да, но все было бы в порядке, если бы ты умела обращаться с проклятой картой!

– О, нет, – сказала мама Сэмюэля.

– Да в чем дело? – с досадой бросил папа.

– Эта дорога не пересекается с автомагистралью... Она проходит под ней.

И, в подтверждение ее словам, за следующим поворотом открылся вид на огромный бетонный мост прямо над трассой В-642.

Сэмюэль смотрел, как далеко слева фура с бревнами упорно взбирается на мост. Но он не мог заметить – для этого ему понадобилось бы телескопическое зрение, – что плохо закрепленный серый ремень, удерживавший бревна, теперь полностью открепился. Два оставшихся ремня тоже были затянuty гораздо слабее, чем следовало бы, и бревна всё отчаяннее подпрыгивали в кузове.

К тому времени, когда открепился второй ремень, стало очевидно, что третий неизбежно последует за ним. Это и произошло, что, в свою очередь, привело к другому неизбежному событию – бревна стали вываливаться из кузова.

Пока машина подъезжала к мосту, Сэмюэль не сводил глаз с фуры. Он рассчитал, что если они продолжат ехать на той же скорости, машина будет под мостом как раз тогда, когда на нем окажется грузовик.

Поэтому, когда он увидел первое бревно, свалившееся с фуры, он уже знал о потенциальной опасности.

– Папа! Останови машину!

– Сэмюэль, в чем, черт побери, дело?

– Останови машину! Бревна! Падают с фуры! Останови машину!

– Сэмюэль, о чем ты вообще говоришь? – Папа Сэмюэля совершенно не собирался останавливать машину.

Первое бревно проломило дорожное ограждение в ста метрах от моста и покатилося вниз по склону по направлению к полю со стороны трассы В-642.

– Останови машину! Останови машину!

– Сэмюэль? – Его мама всегда произносила его имя с вопросительной интонацией, когда начинала сердиться.

– Останови! Останови! Просто останови!

Но машина продолжала ехать вперед, бревна продолжали падать, а его сестра продолжала петь:

– С днем рождения меня...

– Останови!

– Сэмюэль?

– Мы не можем просто так остановиться.

– С днем рождения меня...

– Неужели вы не видите?

– Что?

– Смотрите, эти бревна, они скатываются вниз!

– С днем рождения Марту...

– Бревна? Какие бревна?

– Честное слово, Сэмюэль. Мне кажется, ты перевозбужденся...

– С днем рождения...

Тогда все и произошло. Ровно в тот момент, когда папа Сэмюэля наконец решил затормозить. Именно в этот момент последние десять бревен, оставшиеся в кузове фуры, свалились вниз и проломили ограждение.

Однако на этот раз одно из бревен не покатилося в поле вниз по холму. Оно упало с моста и обрушилось на единственную машину, которая ехала по этому участку трассы В-642.

Ба-бах!

Бревно приземлилось на переднюю часть крыши. Тяжелая шотландская сосна, которая проехала три сотни миль на юг на пути к бумажному заводу в Линкольншире.

Меньше чем за секунду – время, которое потребовалось бревну, чтобы проломить тонкий металл крыши, – Сэмюэль и Марта лишились обоих родителей. Сами они, как и вся задняя часть машины, остались целы и невредимы.

Сэмюэль держал сестру за руку, пока они, оцепенев, сидели на заднем сиденье. Они были слишком шокированы, что-

бы пошевелиться. Или чтобы заговорить. Или чтобы издать хоть звук. За одну секунду их глаза увидели больше кошмаров, чем за все то время, что они оба прожили на свете.

Они так и не узнали, куда родители собирались отвезти их на день рождения Марты. Они знали одно: что бы ни случилось дальше, их жизнь уже никогда не будет прежней.

Тетя Ида

Смерть родителей, убитых огромным бревном, была не первой смертью, с которой столкнулись Сэмюэль и Марта Блинк.

Вообще-то большинство их ближайших родственников были унесены смертью в течение их коротких детских жизней, хоть сами они и не присутствовали ни при одной из этих смертей.

Их не было рядом, например, когда дедушка нес коробку с декоративными гномами в свой садик позади дома и с ним случился инфаркт. Или когда два месяца спустя бабушка споткнулась об одного из этих гномов и упала, ударившись головой о крышу теплицы.

Не было их и тогда, когда дядя Дерек умер от разряда электрического тока, пытаясь вилкой высвободить крошечный кусочек тоста из тостера. Или когда тетя Шейла упала и ударилась головой о дверной упор, выиграв пять очков в лотерею.

Их не было и тогда, когда их норвежский дядя Хенрик... Впрочем, случай с дядей Хенриком оставался весьма загадочным.

В отличие от всех остальных смертей, Сэмюэлю и Марте никогда не рассказывали о том, как умер дядя Хенрик. Если честно, о том, как он жил, им тоже почти ничего не было

известно.

Итак, дядя Хенрик был из Норвегии. Из той страны, откуда была родом и Лив, мама Сэмюэля и Марты. Из той страны, где они никогда не бывали. У их мамы была сестра-близняшка по имени Ида. Лив и Ида выросли в городке под названием Фредрикстад недалеко от столицы Норвегии, Осло. Когда им было двадцать, умерла их давно овдовевшая мать. На следующий год Лив переехала в Англию, чтобы учиться в университете, и там встретила своего будущего мужа Питера. В том же году в Норвегии Ида влюбилась в прыгуна на лыжах с трамплина по имени Хенрик.

Сэмюэль и Марта знали о тете Иде и дяде Хенрике очень немного. Но одно им было известно точно: тетя Ида была очень хорошей метательницей копья, лучшей во всей Норвегии, и участвовала в Олимпийских играх в Москве. Сэмюэлю это всегда казалось поразительным фактом – то, что его кровная родственница участвовала в Олимпийских играх, – и это вдохновляло его на усиленные старания в дни спортивных состязаний. Но после того как он едва не насадил на копье своего тренера, он понял, что, возможно, не будет следовать по стопам своей тети.

Когда бы Сэмюэль с Мартой ни спрашивали про тетю Иду, они всегда получали от мамы один и тот же ответ: «Она добрая и замечательная женщина».

Так почему же они никогда не видели эту очень добрую и замечательную женщину?

Хороший вопрос. И Сэмюэль с Мартой задавали его неоднократно – около сотни раз каждый – но так ни разу и не поучили удовлетворительного ответа.

Вот три из тех не-очень-удовлетворительных ответов, которые они получали:

1) «Ваша тетя Ида боится кораблей и самолетов, поэтому она никогда не выезжает из Норвегии. И никаких больше вопросов, у меня болит голова».

2) «Мы не можем себе позволить путешествие в Норвегию, потому что это очень дорогая страна, а мы не печатаем деньги. И никаких больше вопросов, у меня болит голова».

3) «В Норвегии очень холодно. Я уверена, что вы предпочтете поехать в какую-нибудь теплую страну с хорошими пляжами. И никаких больше вопросов, у меня правда раскалывается голова».

Вот как обстояли дела.

По крайней мере, так обстояли дела до тех пор, пока не прошло шесть дней после смерти их мамы и папы. В этот день пришло письмо, которое Сэмюэлю вручила миссис Финч, добрая пожилая соседка, присматривавшая за ними.

Сэмюэль взглянул на почерк, но не узнал его. Петельки в буквах «д», «у» и «з» напомнили ему о том, как писала его мама, но у мамы почерк был более неразборчивым.

Он вскрыл конверт и нашел там два билета на самолет и письмо, которое он начал читать.

Ида Кронг
1846 Флом
Норвегия

Дорогие Сэмюэль и Марта,

Я сестра вашей мамы и, насколько мне известно, единственная ваша живая родственница. Мне невероятно жаль, что впервые я вам пишу при таких ужасных обстоятельствах. Но вы должны знать: вы не одни. Вам не придется жить в детском доме или скитаться по свету, как посылка, которую никто не хочет открывать.

Будучи вашей ближайшей родственницей, я приглашаю вас обоих приехать и жить у меня в Норвегии. Для этого я вкладываю в письмо два билета на самолет.

Я не знаю, что ваша мама рассказывала вам обо мне. Возможно, вы осведомлены о том, что мы никогда не виделись и разве что обменивались открытками на Рождество с тех самых пор, как родились вы. Мне жаль, что мы Мэтт Хейг не общались друг с другом чаще, потому что ваша мама была доброй и замечательной женщиной.

Я вижу неподалеку от чудесной дереvушки под названием Флом. По сравнению с Ноттингемом она, конечно, покажется вам маленькой и не слишком интересной, но у нас есть фьорд и горы со снеговыми шапками. Кроме того, у меня есть собака по имени Ибсен. Ибсен – элкхаунд (это нор-

вежская порода). Он будет очень рад возможности обнюхать новых знакомых!

В ближайшей деревне есть школа. Она небольшая, там учится всего двенадцать детей, и я уверена, что она вам прекрасно подойдет. Я уже поговорила с директором, и вы сможете туда поступить (это правильное слово?) в течение двух недель.

Что касается меня... ну, у меня есть определенные правила, которым вы должны будете следовать. Эти правила нельзя нарушать, потому что придуманы они не даром.

В Норвегии есть старая поговорка: «Жизнь без правил – все равно что напиток без чашки!»

Что хорошего в напитке без чашки?

В любом случае, я уверена, что мы прекрасно поладим, и с нетерпением ожидаю нашей с вами встречи.

Ах, мы так счастливо с вами заживем – вот увидите!

Любящая вас тетя,

Ида

Девочка-данетка

Тетя Ида ждала их в аэропорту, держа в руках кусок картона с надписью:

*Сэмюэль + Марта
Привет, я тетя Ида*

Сэмюэль заметил надпись.

– Вон она.

Марта повернула голову и увидела высокую худую женщину с седеющими волосами, затянутыми в пучок. Женщина, одетая в длиннейшее оранжевое пальто и длинный полосатый шарф, улыбалась, глядя прямо на нее.

Марта вслед за братом пробралась сквозь толпу и попыталась улыбнуться в ответ, но у нее ничего не получилось. Она утратила способность улыбаться семь дней назад. В тот же день, когда она перестала говорить.

Что касается Сэмюэля, то он не улыбнулся потому, что ему не понравилось, как выглядит тетя Ида. Она определенно не была похожа на человека, когда-то участвовавшего в Олимпийских играх. Она выглядела худой и строгой, и у нее была странная одежда. Ему не понравился ни ее дурацкий длинный шарф, ни ее дурацкие ботильоны с закругленными носами, ни ее огромное оранжевое пальто. Также ему не по-

нравились ее красные щеки, ее длинная шея и ее странные покатые плечи, из-за которых она была похожа на бутылку из-под вина.

Когда они подошли к ней, она распахнула объятия.

– Сэмюэль, – сказала она, все еще широко улыбаясь. – Марта.

Она обняла их обоих вместе, прижав их лица одно к другому. Сэмюэль не мог не заметить, что ее руки, хотя и были худыми, оказались очень сильными. Жесткие волоски на ее подбородке и верхней губе кололи его щеку.

— Ах, бедные дети, — сказала она, до последнего не разжимая объятий. А потом прошептала что-то на норвежском — что-то, чего ни Сэмюэль, ни Марта не поняли. Но похоже, что это что-то значило очень многое, потому что, когда она выпрямилась, в ее глазах блеснули слезы.

Она всмотрелась в их лица в поисках того, чего там не было.

– Боже мой, боже мой, – сказала она. – Нам стоит пойти в отдел потерянного багажа и спросить, не фидели ли там улыбок двоих детей.

– Мне двенадцать, – раздраженно сказал Сэмюэль. – А Марте десять. Необязательно разговаривать с нами как с детьми.

У тети Иды был такой вид, словно она собиралась отчитать Сэмюэля, но потом передумала.

– Хорошо, – произнесла она, кивнув на тележку с багажом, которую толкал Сэмюэль. – Я фозьму твою сумку, хорошо, мистер Мне Двенадцать?

– Я сам справлюсь, – ответил Сэмюэль, покрепче сжав металлическую ручку тележки. Честно говоря, справлялся он не очень-то хорошо, потому что ему досталась тележка с расшатанным колесиком, но он изо всех сил старался не показывать, как ему тяжело.

– Очень хорошо. Тогда дафайте пойдем к машине, ладно?

Тетя Ида говорила с легким акцентом, словно она позабыла давно знакомые слова. Вместо «в» она говорила «ф», что показалось бы Сэмюэлю довольно забавным, если бы он не был так раздражен тем, что они в Норвегии.

– Она выглядит по-дурацки, – прошептал Сэмюэль Марте, следуя за тетей через зал аэропорта.

Марта бросила взгляд на брата. «Нет, не по-дурацки, – подумала она (но она была слишком грустна, чтобы произнести это вслух). – Она выглядит мило. У нее мамины глаза и

мамина улыбка, и она такая дружелюбная».

– Посмотри на ее одежду, – продолжал Сэмюэль. – Посмотри на ее дурацкий шарф. И эти ботинки. И зачем она надела это странное огромное пальто? Она, наверное, потратила целый час, чтобы застегнуть его доверху.

Тетя Ида обернулась:

– Прости? Ты что-то сказал?

– Э-э, я просто говорил, что мне нравится ваша одежда, – ответил он.

– Ох, – сказала тетя Ида. – Спасибо большое.

Дети проследовали за тетей через дверь, на которой висела табличка со словами: «Утанг – выход», и вышли наружу, в холодный воздух. Сэмюэль внезапно осознал, что шарф и пальто тети Иды были не такой уж глупостью.

– Я ненавижу эту страну, – сказал Сэмюэль своей сестре. – Я провел здесь пять секунд и уже знаю, что ненавижу ее.

Его слова затерялись в порывах ветра, пока они шагали по дорожке к потрепанной белой машине, одиноко стоявшей в дальнем углу парковки.

– Посмотри на ее машину, – пробурчал он Марте, пока они помогали укладывать свой багаж в старый помятый багажник. – Она древняя!

Сэмюэль забрался на заднее сиденье и был удивлен, когда увидел Марту на переднем.

– Ну да, она старая, – сказала тетя Ида, как будто услышав, как Сэмюэль охарактеризовал ее машину. – Но маши-

ны очень преданны, как мне кажется. Если будешь за ними ухаживать, они никогда не подведут.

Машина несогласно кашлянула, когда тетя попыталась ее завести.

– Ну, давай же, старая штуковина, – сказала она. – Давай... Ага, вот... мурлычет, как лесной кот.

Когда машина тронулась с места, Сэмюэль ощутил смутную тревогу где-то в районе желудка, словно ожидал, что с неба на нее упадет еще одно бревно.

– Это ужасно – то, что случилось, – произнесла тетя Ида. – Я не могла в это поверить. Ваша мама была великолепным человеком. А ваш папа...

Тихо сказанные слова заставили Сэмюэля поморщиться, как будто кто-то провел ногтем по классной доске.

– Вы не знали моего папу, – сказал Сэмюэль. – И маму вы тоже вряд ли знали. Вы никогда с ней не виделись, так что я не понимаю, почему вы хотите, чтобы мы жили с вами. Раньше вы не испытывали желания нас видеть.

– Это неправда, – тихо ответила тетя Ида.

– Почему вы никогда не виделись с нашей мамой, если так ее любили? – спросил Сэмюэль, сам удивившись тому, как зло прозвучал его голос. – Мама говорила, что вы боитесь летать на самолете. И плавать на корабле.

– Да? – на мгновение тетя Ида смутилась, словно узнала о себе кое-что новое. – Ах, да... да...

Ее голос замер.

Сэмюэль взглянул на сестру. Она подушечками пальцев выводила кружочки на ладони. Еще неделю назад Сэмюэль молился, чтобы она прекратила петь, а теперь задавался вопросом: услышит ли он когда-нибудь снова ее пение. Думал, будет ли это пение печальным.

«Возможно, нет», – решил он.

Возможно, нет.

Сэмюэль провел в Норвегии всего тридцать шесть минут, но уже был уверен, что это самая ужасная страна из всех, что он видел. Что хорошего во всех этих горах, деревьях и воде? Зачем жить в стране, где так холодно, что ты вынужден носить дурацкие пальто и шерстяные шапки? И что случилось со словами на дорожных знаках?

ЭНВЕЙСКЬЮРИНГ
РЕККВЕРК МАНГЛЕР
АЛЛ СТАНС ФОРБУТ

Названия городов, через которые они проезжали, были не менее странными:

ЛЁККЕН ВЕРК
СКЁГН
КЮРКЕТЕРЁРА

Небольшой городок, который они проезжали сейчас, назывался Хелл¹. Там даже висела табличка, на которой было написано на английском: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В

¹ Hell (англ.) – ад.

ХЕЛЛ».

И как же выглядел Ад? Да так же, как и все остальные деревни, через которые они проезжали.

Яркие трехэтажные домики и прилепившаяся к пологому склону холма, приземистая деревянная церковь с коротким шпилем, который словно боялся подниматься слишком высоко в небо.

– В Норвегии слово «хелл» означает «преуспевание», – объяснила тетя Ида. – Вы знаете, что такое преуспевание?

Она взглянула на Марту и затем, в зеркало заднего вида, на Сэмюэля. Никто из них, похоже, не собирался отвечать, знают ли они, что такое преуспевание.

– Если ты преуспеваешь в чем-то, это значит, что ты добился успеха. Например, если ты зарабатываешь много денег, про тебя говорят, что ты преуспевающий человек, – сказала тетя Ида. – А Норвегию всегда называют преуспевающей страной. Все здесь зарабатывают довольно много денег. Почтальон зарабатывает почти столько же, сколько доктор или адвокат. Это очень справедливое общество. В Норвегии люди никогда не зафидуют друг другу. Мы мирные и спокойные люди. Здесь достаточно денег и достаточно земель для жизни, так что все счастливы... Вот как говорят.

Сэмюэль видел лицо тети в зеркале и заметил, что в ее глазах вовсе не отражалось то счастье, которое она описывала. «Она не хочет, чтобы мы были здесь, – подумал он. – Вот почему у нее такие грустные глаза. На самом деле она скорее

всего ненавидела маму. И наверняка ненавидит нас».

Его не волновало спокойствие или богатые почтальоны. Он просто хотел, чтобы все стало как неделю назад, когда все было нормально.

– Это далеко? – спросил Сэмюэль тетю.

Они уже проехали Хелл и теперь были где-то, где не было ни домов, ни указателей.

– О, мы уже близко, – ответила она. – Но по пути нам нужно будет остановиться у бакалеи в Фломе и купить еды. Флом – ближайшая к моему дому деревня. Это прекрасное место.

Но от этих слов Сэмюэлю не стало легче. Он еще никогда в жизни не чувствовал себя так далеко от дома. И дело было не просто в двух перелетах, долгой поездке на машине или странном пейзаже. Дело было в том, что даже если бы он снова совершил долгую поездку на машине и два перелета в обратную сторону, он все равно не оказался бы ближе к дому. С той самой минуты, как умерли его родители, он знал, что никогда снова не почувствует себя дома – даже если будет жить до ста лет.

– У меня есть собака, – сказала тетя Ида. – Норфежский элкхаунд. Он очень добрый, хотя немного слишком прожорливый. Его зофут Ибсен. Я писала о нем в письме. Он любит полаять, но на самом деле это очень ласковое существо. Вы любите собак?

– Нет, – ответил Сэмюэль.

Марта не ответила ничего.

– Ну, я уферена, что Ибсен вам понравится.

Пейзаж за окном внезапно исчез, сменившись темнотой по обе стороны дороги.

– Это очень длинный туннель, – объяснила тетя Ида. – Он длиной в одиннадцать километров и проходит прямо под горой.

Сэмюэль посмотрел на сестру. Она всегда боялась туннелей, но сейчас на ее непроницаемом лице не отражалось никакого страха.

– Ты очень молчаливая, – заметила тетя Ида, поворачиваясь к Марте. – Почему бы тебе не рассказать мне о своих увлечениях? В какие игры ты любишь играть?

Эти вопросы разозлили Сэмюэля.

– Она не может вам ответить. Она не... не говорит.

Тетя Ида сделала вопросительное лицо, и Сэмюэль объяснил:

– Она ничего не говорит с тех пор, как погибли мама с папой. Она только кивает или качает головой. Задавайте ей только те вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

Сэмюэль ожидал, что новость о молчании его сестры впечатлит тетю Иду, потому что она казалась довольно впечатлительным человеком, но она восприняла его слова так, словно это было в порядке вещей. Сквозь мигающие огни туннеля он взгляделся в ее лицо, но не увидел на нем ничего,

кроме теплой улыбки и по-прежнему грустных глаз.

Рассказ о старом Торе

– Вот, – сказала тетя Ида, поворачивая за угол. – Это Флом, ближайшая к моему дому деревня. Здесь мы должны остановиться и купить немного еды у бакалейщика.

Флом оказался очень тихой и чистой деревенькой, где почти не было машин. Он напомнил Сэмюэлю об игрушечной модели деревни, которая была у него, когда он был маленьким. Флом казался моделью деревни, увеличенной до реальных размеров. Здесь, точно так же, как в деревне Хелл и всех остальных деревнях, которые они проезжали, по сторонам дороги тянулись бревенчатые домики с остроконечными крышами. Одни домики были выкрашены в белый или синий цвета, другие сохраняли натуральную окраску темной древесины. Тетя Ида медленно проехала мимо церкви – тоже деревянной и имевшей такую же форму, как и все остальные строения, разве что над ней торчал короткий острый шпиль.

– Ваш дядя Хенрик всегда шутил, что это фовсе не церковь, – сказала тетя Ида, затормозив на светофоре. – Он говорил, что это обычный дом с высокими идеями.

Тетя Ида припарковала машину в середине главной улицы.

– Идемте, дети. Давайте купим немного еды, хорошо?

Сэмюэль фыркнул, но подчинился. Они с Мартой проследовали за тетей мимо книжного магазина и затем мимо ху-

дожественного салона к магазину, на котором висела вывеска с надписью жирными желтыми буквами:

ДАГЛИГВАРЕБУТИКК

– Это магазин Оскара, – объяснила тетя Ида. – Оскар – бакалейщик. Именно здесь я всегда делаю покупки. Тут очень дружелюбная атмосфера.

Она толкнула дверь, и над ней зазвенел звоночек.

Сэмюэль чуть не задохнулся от запаха, который шел изнутри. Он словно зашел внутрь гигантской горы, сделанной из пахучего сыра.

Магазин был заполнен жителями деревни, которые болтали и смеялись, но когда, услышав звонок, они повернули головы и увидели тетю Иду с двумя детьми, все разговоры внезапно смолкли.

– Гудаг! – весело сказала тетя Ида, но ее приветствие только отскочило от их каменных лиц.

Тетя Ида, изо всех сил стараясь игнорировать сельчан, уставившихся на нее, взяла корзину для покупок. Она начала собирать в нее продукты с полок – пачку плоских хлебцев, пакет морошкового сока, банку маринованной селедки – пока Сэмюэль и Марта топтались возле нее.

Когда она подошла к прилавку с сырами, другая покупательница – пухлая женщина в трех шерстяных кофтах – цыкнула на нее языком и неодобрительно покачала головой, скосив глаза на Сэмюэля и Марту.

– Чего ей надо? – проворчал Сэмюэль.

Но женщина в кофтах была не единственной. Все остальные посетители бросали на Сэмюэля и Марту такие же странные взгляды.

– Ну, Сэмюэль и Марта, вы хотите что-нибудь добавить в корзину? – спросила тетя Ида, стараясь не обращать внимания на окружающих.

Марта отрицательно покачала головой.

– Нет, – ответил Сэмюэль, потому что хотел как можно скорее уйти из магазина.

– Ну, смотрите, – с улыбкой сказала тетя Ида, стоя у сырного прилавка в ожидании Оскара.

– Гудаг, Оскар, – поприветствовала она хозяина, когда он вышел.

Оскар выглядел весьма странно. Он был низеньким, лысым, и у него были внушительные желтые усы. Кроме того, на нем был желтый галстук бабочкой и желтая рубашка, туго натянутая на круглом брюшке. Оскар не ответил на приветствие тети Иды. Он только безмолвно стоял за прилавком в своем желтом одеянии, как будто был одним из сыров, ожидающих покупателя.

– Оскар? – повторила тетя Ида. И заговорила на норвежском, указывая на разные сыры.

Оскар начал резать сыры, но по-прежнему оставался безмолвным.

И в этот момент в двери в дальнем конце магазина появился мальчик. Ему было примерно столько лет, сколько и

Сэмюэлю, и у него были белесые волосы и зеленые глаза, казавшиеся огромными за толстыми стеклами очков в золотой оправе.

Он подошел и, усевшись на стул позади отца, начал играть с калькулятором.

«Это, должно быть, единственное развлечение здесь, – подумал Сэмюэль. – Играть с калькулятором».

– Гудаг, – сказал мальчик Сэмюэлю. Он улыбнулся, показав серебристые брекеты.

– Привет, – ответил Сэмюэль.

– Фредрик! – Оскар щелкнул пальцами и отослал сына прочь, как будто Сэмюэль был заражен какой-то опасной инфекцией.

К удивлению Сэмюэля, бедный мальчик сделал в точности то, что ему было приказано, без всяких возражений испарившись со своего места.

Остальные посетители начали выходить из магазина, неодобрительно хмыкая, ворча и бросая пренебрежительные взгляды на тетю Иду с детьми. Когда вышел последний посетитель, лицо Оскара смягчилось, словно кусок сыра, оставленный слишком близко от печки. Он начал говорить, и в голосе его звучали одновременно сочувствие и злость.

Но что именно он сказал тете Иде, Сэмюэлю и Марте, осталось неизвестным, хотя его округленные глаза указывали на то, что это было что-то весьма серьезное.

Сэмюэль жалел, что не знает норвежского и не может по-

нять, о чем они говорят. Но, возможно, это было к лучшему, потому что если бы он мог понять их разговор, он решил бы, что все вокруг абсолютно сумасшедшие. Включая тетю Иду.

Разговор тети Иды с Оскаром (который Сэмюэль и Марта не смогли понять).

ТЕТЯ ИДА: Что такое со всеми сегодня? Они кажутся такими недружелюбными.

ОСКАР: А мне, Ида, кажется странным, что ты об этом спрашиваешь.

ТЕТЯ ИДА: Так вот, я спрашиваю.

ОСКАР: Дети! Кто они? Что они делают с тобой?

ТЕТЯ ИДА: Это дети моей сестры. Они приехали из Англии. Моя сестра с мужем погибла в ужасной аварии, и у детей больше никого не осталось. Никого. Они должны жить со мной.

ОСКАР: Возле леса?

ТЕТЯ ИДА: Да, возле леса.

ОСКАР: С таким же успехом ты можешь убить их прямо сейчас. Это будет более милосердно. Потому что ты знаешь: если они зайдут в лес, они никогда не вернуться.

ТЕТЯ ИДА: Они не зайдут в лес. Я ясно дам им понять, что они никогда не должны заходить в лес.

ОСКАР (*качая головой*): Как только они услышат о существах, живущих там, – хюльдрах, пикси, троллях и остальных, – они захотят на них посмотреть. Ты же знаешь, что та-

кое дети.

ТЕТЯ ИДА: Нет, я предельно ясно дам им понять, что им ни при каких обстоятельствах нельзя приближаться к деревьям. И при условии, что они никогда не пойдут в лес, они будут в безопасности.

ОСКАР (*перегнувшись через прилавок*): Нет, Ида, прости меня, но, боюсь, ты ошибаешься. Возможно, тебе удастся удержать детей вдали от леса, но удастся ли тебе удержать лес вдали от детей? Ты слышала о Старом Торе, художнике?

ТЕТЯ ИДА: О Старом Торе? У которого художественный салон вниз по улице? Чья жена всегда так груба со мной? Да, когда-то я покупала у него картины. А что с ним случилось?

ОСКАР: Ну, он рассказывает, что в пятницу он был на улице, недалеко от фьорда, и рисовал пейзаж с лунным светом, когда вдруг увидел чудовище. Чудовище, которое выбежало из леса. Тролль с двумя головами!

ТЕТЯ ИДА [*сдерживая волнение*): Тролль с двумя головами?

ОСКАР: Да, и за ним гнались еще более мерзкие существа. Хюльдры!

ТЕТЯ ИДА: Хюльдры! Те, о которых говорил профессор?

ОСКАР: Да. Они были верхом. Старый Тор видел, как они накинули на двухголового тролля сетку и повалили его на землю. А потом поволокли его обратно в лес.

ТЕТЯ ИДА: А что сделал Старый Тор?

ОСКАР: Он спрятался за своим холстом и молился, чтобы

никто его не заметил. Он два часа просидел там, трясаясь от ужаса, прежде чем осмелился сдвинуться с места.

ТЕТЯ ИДА: Он не ошибся? Я уже много лет не видела, чтобы что-то выходило из леса. И как он мог рассмотреть это? Ведь у него всего один здоровый глаз, разве нет?

ОСКАР: Да. Я знаю. Но этот глаз видит очень хорошо. Ты ведь знаешь его картины. Старый Тор – самый уважаемый человек во всей деревне... И если существа выходят из леса, можно понять, почему люди волнуются. Они волнуются за детей. Твой дом слишком близко, Ида.

ТЕТЯ ИДА: Да, он близко. Думаешь, мне это неизвестно? Но что думают все эти взволнованные люди? Они думают, я пушу детей в лес? Они думают, я не запрещаю им ходить туда? Они думают, я не скажу им, что нельзя находиться на улице, когда стемнеет? Конечно, я скажу. Что еще я могу сделать?

ОСКАР: Ты можешь... переехать. Возможно.

ТЕТЯ ИДА: Ох, и что тогда скажет мой дорогой Хенрик?

ОСКАР: Хенрик? Ида, Хенрик... исчез. Ты должна это осознать.

ТЕТЯ ИДА: Да. Конечно. Я это знаю. Я знаю это так же хорошо, как и то, что он вернется.

ОСКАР: Но, Ида, прошло уже десять лет. Десять лет с тех пор, как он вошел в лес. Ты должна понимать, что он не вернется.

ТЕТЯ ИДА: Если бы я понимала это, я бы ушла за ним в лес десять лет назад, чтобы тоже умереть.

ОСКАР: Ида, ты не можешь говорить это всерьез. Ты же знаешь, здесь много мужчин. Возможно, среди них есть те, кому тоже иногда бывает одиноко.

ТЕТЯ ИДА: Ну да, возможно. Но теперь я должна заботиться о Сэмюэле и Марте. И, в любом случае, я точно знаю, что Хенрик все еще жив. О где-то там. В недрах этого леса. И я знаю, что он скоро вернется. ОСКАР: Да. Но теперь? Спустя десять лет? Не будет ли для тебя проще...

ТЕТЯ ИДА: Нет. Он жив. И он на пути назад. Я чувствую это сердцем. Если бы ты верил в любовь так же, как веришь Старому Тору, ты бы меня понял.

ОСКАР: Ох, Ида, если бы знала, как сильно я верю в настоящую любовь.

ТЕТЯ ИДА: Что ты имеешь в виду?

ОСКАР (*покрываясь краской*): Ничего. Ничего я не имею в виду.

ТЕТЯ ИДА: Ну, вот двадцать крон за покупки. Можешь оставить себе сдачу. Мориа, Оскар.

ОСКАР: Морна.

И затем Оскар сказал детям на весьма странном английском:

– Запомните, нужно делать, как ваша тетя говорит вам делать: не подходить к бесу.

«К бесу? – подумал Сэмюэль. – К какому еще бесу?» (Он не понял, что бакалейщик говорил о лесе и хотел сказать «к лесу», а не «к бесу».)

Тетя Ида, Сэмюэль и Марта вышли из магазина и пошли обратно к машине. По дороге Сэмюэль бросил взгляд на окно художественного салона Старого Тора.

Он увидел пухлую женщину в трех кофтах, которая велела себя так грубо. Она разговаривала со стариком с очень длинной бородой и одеждой, заляпанной красками. Поймав взгляд старика, Сэмюэль заметил, что один его глаз был белым, как молоко. Сэмюэль сделал вид, что заинтересовался холстами за окном. На большинстве из них были изображены горы и фьорды, но потом он заметил другую картину. Она не была выставлена в окне, а висела на стене за спиной старика. На ней было нарисовано какое-то дикое существо с двумя головами. Картина была настолько реалистичной, что Сэмюэль подпрыгнул на месте, словно опасаясь, что существо вот-вот выпрыгнет с холста.

Помотав головой, как собака, отряхивающаяся от воды, Сэмюэль прогнал из головы этот образ и пошел к машине вслед за тетей и сестрой.

– Почему все здесь такие противные? – спросил он у тети, когда они загружали продукты в багажник.

– На самом деле они совсем не противные. Они хорошие, когда узнаешь их поближе. Они просто немного напуганы, вот и все. Страх заставляет людей фести себя немного странно.

– А почему они напуганы? – спросил Сэмюэль. – Чего здесь бояться?

— Ничего, — ответила тетя Ида слишком поспешно, чтобы это походило на правду. — То есть ничего, если мы будем следовать определенным правилам. Так, Сэмюэль, я вижу по твоему лицу, что тебе очень не нравятся эти слофа. Но правила не только для тебя, они и для меня тоже. Если мы, все трое, будем следовать правилам, с нами все будет в порядке. И мы не станем странными, как эти старые напуганные дураки.

Сэмюэль, устраиваясь на заднем сиденье, презрительно скривил губы. Всю свою жизнь он должен был следовать чужим правилам. Вовремя делай домашнее задание. Застели постель. Переодевайся в домашнюю одежду после школы. И к чему его все это привело? В проклятую Норвегию, к его усатой тете.

Нет уж. Хватит с него. Отныне Сэмюэль Блинк не собирался следовать никаким правилам.

В конце концов, что ему было терять?

Место, о котором нельзя говорить

Тетя Ида жила в белом бревенчатом домике с крутой покатой крышей, в нескольких милях от Флома.

Любой гость, приехавший сюда, был бы очень впечатлен месторасположением дома. Он приютился на покрытом пышной зеленой растительностью склоне холма, с которого открывался вид на один из красивейших норвежских фьордов. Фьорд назывался Аурландсфьорден – это был огромный залив со спокойной и чистой водой, похожий на гигантское зеркало, в котором отражался лесистый холм и обступившие его горы со снежными шапками.

Однако Сэмюэль не был похож на любого гостя. С первой же секунды он возненавидел и дом, и пейзаж. Те же чувства он испытывал к поросшему травой склону холма, который поднимался к густому темному лесу позади дома.

– Это худшее место на земле, – пробормотал он сестре, которая не ответила ни «да», кивнув, ни «нет», покачав головой.

Где все люди? Где то, чем можно заняться?

– Пойдемте, дети, я покажу вам дом, – позвала тетя Ида, шагая от машины к узкой входной двери. Сэмюэль не мог не заметить того, как легко худощавые руки тети Иды несли и чемодан, и сумки с покупками, как будто внутри них не было ничего, кроме перьев.

– Это холл, где мы оставляем пальто и шапки и снимаем обувь, – сказала она, поставив на пол сумки и чемодан. – Там, слева, кухня и фанная... а справа, если пройти дальше, гостиная.

Она провела их в большую комнату с бревенчатыми стенами, ковриками на полу и камином. Сэмюэля пробрала дрожь, когда он окинул взглядом комнату. У него было странное чувство, что он бывал здесь прежде. Он узнавал все, но не мог понять откуда. Кресло-качалка, диван, покрытый разноцветным шерстяным одеялом, темный деревянный стол, полки, заставленные стеклянными вазами и пахнущими старостью книгами, вставленные в рамы картины гор и фьордов на стене и другие, настоящие, горы и фьорды за окном.

– Ах, да, – сказала тетя Ида, заметив, что Сэмюэль разглядывает картины. – Их нарисовал тот старик из деревни. Старый Тор – так его называют. Иногда он допоздна сидит на улице, рисуя воду и горы под звездным небом.

Из заднего окна открывался совсем другой вид – поросший травой склон, протянувшийся к странной массе темных сосен на горизонте.

Сэмюэль постарался прогнать ощущение, что он бывал здесь прежде, и вдруг заметил кое-что гораздо более чудовищное:

– А где телевизор?

– Здесь нет телевидения, – объявила тетя Ида. Она как

будто бы гордилась этим. Гордиться тем, что у тебя нет телевизора!

– Но я привез с собой игровую приставку, – сказал он. – И мне нужен телевизор, чтобы в нее играть.

Тетя Ида, похоже, не осознала серьезность ситуации, потому что сказала:

– Ну, значит, теперь тебе придется найти какого-нибудь другого тофарища для игр.

– Кого, например? – угрюмо осведомился Сэмюэль.

– Например... например... – тетя Ида чуть не сказала «например, твою сестру», но передумала, посмотрев на унылое и безжизненное лицо Марты. – Например, милого старого Ибсена.

При звуке этого имени в гостиную бесшумно вошел большой черный с серым пес и представился, завиляв хвостом. Хвост был белым и закручивался так, что кончиком касался спины, как будто был ручкой от горшочка в форме собаки.

– Не приставай ко мне, – сказал Сэмюэль, оттолкнув собачью морду.

Он ожидал, что пес заворчит на него, но тот только вильнул своим закрученным хвостом и посмотрел вверх на Сэмюэля с такой безграничной любовью, какую большинство людей выражают только тому, с кем прожили всю жизнь. Затем Ибсен мягко подошел к Марте, и на какое-то мгновение она как будто забыла о своих бедах. Радость тронула уголки ее губ, вызвав пусть не настоящую улыбку, но

что-то, что могло бы в нее перерасти.

– Марта, – сказал Сэмюэль, показывая на ее лицо. – Ты улыбаешься!

Но полуулыбка, едва показавшись, вновь исчезла, словно испуганная лань, и Марта снова вспомнила всю свою печаль. Печаль, которая слегка облегчалась шершавым языком Ибсена, лижущим ее ладонь.

– Кажется, у тебя появился друг, – заметила тетя Ида, но осталось неясным, к кому она обращалась – к Марте или к Ибсену.

Пес пошел вместе со всеми наверх, где детям показали их спальню. Там стояли две кровати. Простыни и одеяла были заправлены аккуратно, как в больнице. В углу комнаты, словно неуклюжий гость, стоял высокий старый гардероб, взирая на детей сверху вниз.

– Я знаю этот шкаф, – сказал Сэмюэль. – Я его уже видел.

По лицу тети Иды пробежал испуг, словно слова Сэмюэля были опасными существами, ворвавшимися в комнату.

– Это очень популярная модель гардероба, – сказала она.

– Но эти обои я тоже видел.

– Эти обои чрезвычайно популярны по всему миру, я уверена... Итак, вот ваши кровати...

Кровати были обращены к двум окнам, за которыми виднелся пологий зеленый склон и темнеющий вдали лес.

Ибсен, который теперь стоял рядом с Сэмюэлем, поднял взгляд на мальчика и заскулил. И продолжал скулить, пока

Сэмюэль не перестал смотреть на лес.

Тетя Ида была занята тем, что показывала Марте, куда складывать одежду в шкаф, когда Сэмюэль спросил:

– А что в лесу?

Тетя Ида резко повернула голову, как будто Сэмюэль только что произнес какое-то ужасающее ругательство.

– Там, в лесу, – продолжал Сэмюэль. – Там медведи? Или волки? Или что-то еще? Этого боялись те глупые люди?

Тетя Ида отошла от платяного шкафа, приблизилась к Сэмюэлю и нагнулась, так что ее лицо оказалось на одном уровне с лицом Сэмюэля.

Взглянув ей в глаза, Сэмюэль почувствовал, что его сердце стало биться быстрее. Вопрос о лесе как-то страшно подействовал на тетю. Ее лицо, внезапно преобразившись, сделалось таким суровым, словно было выточено из камня.

– Не упоминай это место, – произнесла она пугающе серьезным голосом. – Не позволяй своему разуму думать о том, что там внутри. Когда выходишь на улицу, ты должен оставаться на траве, где я могу тебя фидеть. Это касается вас обоих. Это самое фажное правило из всех моих правил. Никогда не ходи в лес. Никогда. И никогда снова не заговаривай о нем. Ты меня понял?

Разумеется, Сэмюэль ничего не понял. Теперь у него в голове было больше вопросов, чем когда-либо прежде. Что такого опасного в этом лесу? И если оно так опасно, зачем жить так близко к лесу, что он виден из твоих окон?

Но Сэмюэль был так поражен внезапным преобразованием тети, что не нашел в себе сил сказать что-нибудь, кроме:

– Да, я понял.

Тетя Ида втянула воздух носом, словно проверяя правдивость его слов по запаху.

– Хорошо, – сказала она.

Затем она выпрямилась в полный рост и заставила себя вернуть улыбку на лицо.

– Ладно, – добавила она. – А теперь дафайте спустимся вниз и накормим ваши голодные желудки.

Суп из Рудольфа

– Что это? – спросил Сэмюэль, глядя в миску с мутной коричневой жидкостью.

– Олений суп, – ответила тетя Ида так невозмутимо, как будто суп из оленя был самой обычной вещью на свете.

Сэмюэль посмотрел на волоски на ее подбородке и верхней губе.

«Она такая же отвратительная, как этот суп», – подумал он, с трудом веря, что она и его мама были сестрами-близняшками.

Его мама была хорошенькой, и она всегда носила красивую одежду и красилась. Она мазала кожу над верхней губой каким-то вонючим кремом, чтобы избавиться от усов, и дважды в неделю делала упражнения, чтобы держать фигуру в порядке. Она носила джинсы и яркие футболки, и каждую субботу по утрам ходила к парикмахеру, чтобы уложить или подкрасить волосы.

Сэмюэль посмотрел на черные с проседью волосы тети, стянутые в пучок. Посмотрел на ее красные щеки. Посмотрел на ее блузку и кофту, которым вполне могло бы быть двести лет. Ему было сложно поверить, что она и его мама принадлежали к одному виду – не говоря уже о том, что они были близняшками.

– Олень? Это отвратительно.

«Фу, – подумал он. – Суп из Рудольфа²».

– На самом деле это очень вкусный суп, – сказала тетя Ида. – Думаю, по вкусу он напомнит вам гофядину.

Сэмюэль наблюдал за тем, как его сестра отхлебнула немного супа из ложки, не проявляя никаких признаков отвращения или удовольствия. Он сделал то же самое, и его чуть не вырвало.

– Но это правда отвратительно.

– Это был любимый суп Хенрика, – заметила тетя Ида.

– Ну, значит, у этого Хенрика был очень плохой вкус, – заявил Сэмюэль.

Тетя Ида нагнулась над столом:

– Никогда не говори так о дяде Хенрике. Слышишь?

Ее голос был немногим громче шепота, но в нем прозвучала внезапная тихая злость, напоминающая кошачье шипение. Однако Сэмюэля взволновал не столько ее голос, сколько выражение лица. В ее глазах было столько боли, что в первый раз с тех пор, как они приехали, Сэмюэлю стало стыдно за свою грубость.

Ему захотелось сказать: «Простите меня», но он почему-то не смог выдать из себя этих слов. Однако стыд отразился на его лице, потому что тетя Ида удовлетворенно кивнула и приступила к своему супу.

² Считается, что Санта-Клаус передвигается на сани, в которые запряжены восемь северных оленей. Самым известным из них является олень по имени Рудольф.

Повисла неловкая тишина, которая прерывалась только скулением Ибсена.

– Ох, Ибсен, что с тобой? – спросила тетя Ида.

Ибсен смотрел в окно, вытянув нос в сторону леса. Сэмюэль взглянул на пса и подумал, что в нем есть что-то странное, но не смог решить что именно.

Тетя Ида проигнорировала Ибсена и вернулась к своему супу.

– Ну, – сказала она, – когда мы доедим суп, я объясню фам обоим правила. Ведь вы же не сможете следовать правилам, не узнав сначала, в чем они заключаются. Согласны?

Марта кивнула. Сэмюэль не шевельнулся. Он не хотел выслушивать правила. Почему он должен делать так, как говорит тетя? В конце концов, никто никогда не делал так, как говорил он. Даже когда то, что он говорил, было вопросом жизни и смерти – как, например, его попытка остановить родителей перед тем, как на машину упало бревно.

– Правила ставят все на свои места, – сказала тетя Ида. – И мы с фами тоже должны оставаться в определенных местах. Для нашей же пользы.

Сэмюэль взглянул на ее кофту, застегнутую до самого верха, и понял, что именно представляет собой тетя Ида. Она была человеком, застегнутым до самого верха. Он задумался над тем, что же заставляло все ее невидимые пуговицы держаться на своем месте.

– Итак, – сказала тетя Ида. – Поскольку вы доели суп, те-

перь пришло время выслушать правила.

Сэмюэль собрался было возразить, но посмотрел на сестру и увидел, что она внимательно слушает тетю. «Может быть, Марте интересно, – подумал он. – Может быть, она хочет узнать правила». Поэтому Сэмюэль решил молчать и без возражений выслушал весь список тетиных правил с первого пункта по десятый.

Правила

- 1) Никогда не ходите на чердак.
- 2) Не говорите ничего плохого о дяде Хенрике, потому что его здесь нет и он не может постоять за себя.
- 3) Снимайте обувь у входной двери.
- 4) Никогда не кормите Ибсена в промежутках между едой, даже если он будет выпрашивать.
- 5) Съедайте все за завтраком, обедом и ужином. Однажды вам могут понадобиться все ваши силы.
- 6) Всегда спрашивайте у меня разрешение, прежде чем выйти на улицу.
- 7) Никогда не выходите на улицу после того, как стемнеет.
- 8) Если начинает темнеть, когда вы уже снаружи, возвращайтесь домой как можно скорее.
- 9) Никогда, ни при каких обстоятельствах, не ходите в лес.
- 10) Никогда не оспаривайте ни одно из правил. Особенно правило номер девять.

Хюльдры

За окнами было темно.

Сэмюэль и Марта никогда не видели темноты, подобной этой. В Англии ночная тьма всегда смягчалась далекими уличными огнями. Но здесь, вблизи дремучего леса, за несколько миль от ближайшей деревни, темнота была такой густой, что почти имела собственный вес. Можно было почувствовать, как она давит снаружи на окна, как будто дом схвачен лапой какого-нибудь гиганта.

Сэмюэль заметил, как что-то отразилось в стекле, и обернулся.

– Что это? – спросил он. Он указывал на странный свет, светивший в лицо тете Иде.

– Это специальная лампа, – тихо ответила она. – Лампа счастья. Она помогает мне не грустить слишком сильно, когда за окном становится темно.

Сэмюэль взглянул на сестру и задумался, не может ли лампа помочь и ей.

– А можно Марте попробовать? – спросил он.

– Если она захочет. Марта, ты не хочешь воспользоваться моей лампой счастья?

Марта посмотрела на трубки, испускавшие ультрафиолетовый свет, и отрицательно покачала головой.

Тетя Ида, отвернувшись от лампы, улыбнулась Марте.

– Ты как хюльдры, – заметила она, грустно улыбнувшись. Но на ее лице вдруг отразилось замешательство, словно она не собиралась произносить это вслух.

– Что такое хюльдры? – спросил Сэмюэль от лица Марты. Тетя Ида надолго замолчала, глядя в темноту через щель в занавесках. «Возможно, не помешало бы рассказать им о хюльдрах, – подумала она. – Просто на случай, если что-то случится».

– Хюльдры – это существа, которые, как говорят, боятся света, – сказала она наконец, изменяя угол наклона лампы. Она старалась изобразить хюльдр менее опасными, чем они были на самом деле – так, словно они были просто выдумкой из детской сказки, а не существами, живущими в лесу возле ее дома. – Если на них попадает солнечный свет, их плоть испаряется. Они жифут в своем собственном подземном мире и выходят наферх только по ночам. Они зафидуют людям, которым не нужно проводить свои дни в темноте. «Хюльдр» по-норвежски означает «внизу». Хюльдры предположительно ростом с нас, но они очень мерзкие. У них есть хвост, их глаза очень странные, кожа серая, а тело костлявое. Говорят, что они заманивают людей и других существ в лофушки и заключают их в подземные тюрьмы.

Она внезапно замолкла, вспомнив о хюльдрах, которых, по словам Оскара, видел Старый Тор.

Сэмюэль подумал о кошмарах, которые он иногда видел, и о чудовищах с серой кожей, хвостами и широко расставлен-

ными глазами. Но это были всего лишь кошмары. Он знал, что они нереальны.

– А вы верите в хюльдр? – спросил Сэмюэль.

Тетя Ида пожевала ртом, как будто пробуя этот вопрос на вкус. А потом сказала:

– Я ферю, что на свете существует больше вещей, чем нам известно.

«Она сумасшедшая, – подумал Сэмюэль. – Абсолютно чокнутая».

Его мама, конечно, верила в знаки зодиака, но она, по крайней мере, не верила в хвостатых существ, живущих в подземном мире. Это все лампа безумия: она посылает безумные идеи в тетин мозг.

Позже, уже лежа в кровати, Сэмюэль сказал Марте:

– Я ненавижу это место.

Марта ничего не ответила.

– И я ненавижу ее. Я ненавижу ее волосатый подбородок, и ее суп из Рудольфа, и то, что у нее нет телевизора, и ее пуговки, и ее правила.

Марта по-прежнему ничего не отвечала.

– Марта... Марта, скажи что-нибудь... Пожалуйста... Просто спой песенку... издай хоть один звук... Пожалуйста... Я не могу это выносить: все время слушать только ее. Пожалуйста, сестренка. Пожалуйста...

Но Марта по-прежнему молчала. Где-то глубоко внутри она хотела поговорить с братом, но не могла найти слов.

– Знаешь, кто ты, Марта? – спросил он, вылезая из кровати. – Ты эгоистичная корова. У тебя вполне мог бы быть коровий хвост, потому что ты и есть корова. Ты эгоистка, и я понимаю, что ты ведешь себя так, потому что горюешь о маме с папой. Но я тоже горюю, и мне было бы гораздо лучше, если бы ты поговорила со мной. Марта? Говори! Скажи что-нибудь!

Он тряс ее за плечи, но она продолжала молчать. Только крепко зажмурилась и – когда он ее отпустил – как можно глубже зарылась в темноту под одеялами.

«Как кролик, – подумал Сэмюэль. – Или как хюльдр».

Дождавшись, когда Сэмюэль вернулся в свою кровать, Марта вылезла из-под одеял и стала смотреть на съежившийся силуэт брата на соседней кровати. Ей казалось, что между ними лежит целая вселенная. Более того, ей казалось, что вселенная окружала ее со всех сторон.

Ее не смущало это чувство. Она знала, что на самом деле это лучший способ существования. Ведь если ты не являешься частью этого мира – мира, который говорит, улыбается и поет, – то ты никогда не сможешь почувствовать себя по-настоящему несчастной.

Она была так близка с родителями – и вот чем это обернулось.

Нет. Вот как все будет отныне. Марта Блинк, окруженная вселенной со всех сторон, чтобы защититься от всей боли, всех слез и всего счастья этого мира.

Кошка с двумя ошейниками

На следующий день, предварительно спросив разрешения у тети, Сэмюэль отправился играть на травянистый склон, который поднимался от заднего фасада дома к кромке леса на горизонте. Он знал, что тетя Ида наблюдает за ним из окна кухни, чтобы удостовериться, что он не подойдет к лесу слишком близко.

«Что мне делать?» – подумал Сэмюэль.

Он решил выйти наружу только потому, что внутри делать было нечего. Ни телевизора. Ни игровой приставки. Только сестра, чей голос умер вместе с родителями.

Поэтому он отправился наружу, на поросший травой склон, протянувшийся между домом и лесом. Но, оказавшись на улице, он понял, что и здесь точно так же нечего делать. Здесь был только лес, куда ему нельзя, и трава. Много, много травы.

Он уже собрался было обратно, когда заметил черную кошку с необыкновенно яркими зелеными глазами, которая смотрела прямо на него.

«Странно, – подумал Сэмюэль. – У тети Иды ведь нет кошки».

Подойдя ближе, он увидел, что на кошке надеты два ошейника. Черный и белый. Оба были сделаны из какой-то ткани, и на каждом был маленький металлический диск.

– Эй, кис-кис.

Сэмюэль наклонился и поманил кошку рукой, но она и ухом не повела. Она сидела на своем месте, гордая как королева, и продолжала смотреть на мальчика изумрудными глазами.

– Эй, кис-кис. Кис-кис!

Протянув руку, Сэмюэль погладил кошку по голове и проткнул палец под один из ошейников. Он попытался притянуть кошку за ошейник, но встретил сопротивление. Кошка рванулась назад, и ее ошейник, порвавшись, остался в руках Сэмюэля.

Он осмотрел металлический диск, прикрепленный к белой ткани, и прочитал выгравированное на нем слово:

ХЕК

– Хек, – произнес Сэмюэль. – Это имя тебе подходит. Странное имя для странной кошки.

Оставаясь на том же месте, кошка зашипела на мальчика, укравшего один из ее ошейников.

– Нет уж, извини, – сказал Сэмюэль. – Теперь он мой. Да и зачем тебе два ошейника?

Внезапно Сэмюэль, потрясенный, замолчал. Он был уверен – настолько, насколько можно быть уверенным в подобных вещах, – что глаза кошки только что изменились. Он мог бы поклясться, что на одно короткое мгновение они сменили цвет с зеленого на черный или темно-темно-серый.

Он ощутил пробежавший по телу холодок. Причиной его

был не только прохладный ветер; он понял, что в этом похожем на кошку создании, сидящем перед ним, было что-то ненатуральное.

– Мерзкая кошка, – пробурчал Сэмюэль. – Странная мерзкая кошка.

Он обернулся и взглянул через плечо на дом. В окне гостиной он видел тетю Иду, которая прошла на кухню, чтобы начать готовить ужин Ибсену.

Хотя он был напуган, домой ему идти не хотелось. Ведь обнаружение этой непонятной кошки, вполне вероятно, могло стать самым захватывающим событием, на которое можно надеяться в этом скучном месте.

– На что ты смотришь? – спросил Сэмюэль.

Глаза кошки, которые теперь снова приобрели свой нормальный цвет, были направлены прямо на белый ошейник, украденный Сэмюэлем.

– Ты, кажется, очень любишь этот ошейник, да?

Кошка снова зашипела, но шипение это не было обычным. Вместе со звуком изо рта кошки вырвалось небольшое облачко черного дыма, поднявшееся в воздух.

И в этот момент Сэмюэль ощутил легкое головокружение. В голове у него возникла какая-то путаница, заставившая его на минуту забыться.

«Кто я? Где я?»

«Я Сэмюэль Линк».

«Я 6 Ворнегии».

«Я Лэмбюэл Синк».

«Я в Снорвегии».

Во время этого странного душевного состояния все тело Сэмюэля внезапно ослабло, включая руку, сжимавшую белый ошейник.

Пальцы разжались, и ошейник упал на землю. Он моргнул, потом моргнул еще раз, и постепенно головокружение прошло.

«Я Сэмюэль Блинк. Я в Норвегии».

Он опустил взгляд на траву и увидел черную кошку с черным ошейником, уставившуюся на него.

– Эй, кис-кис. Кис-кис!

Сэмюэль смотрел в зеленые кошачьи глаза и понятия не имел, что всего пару секунд назад он видел, как они поменяли свой цвет на черный. Не помнил он и о маленьком облачке черного пара, которое кошка выпустила изо рта, и о белом ошейнике, который сейчас лежал на земле возле его ноги.

Кошка зашипела и продолжала шипеть, безуспешно пытаясь выпустить еще одно облачко пара, но у нее ничего не получалось. Конечно, Сэмюэль не понимал, что именно кошка пыталась сделать, потому что события последней минуты начисто исчезли из его памяти.

– Что с тобой? – спросил он, пока кошка отчаянно выпускала изо рта воздух. – Он снова наклонился и протянул руку

к кошке. — Иди сюда, — позвал он. — Ты могла бы быть моей кошкой.

И в тот момент, когда он уже почти просунул палец под черный ошейник, кошка вдруг повернулась и со всех ног понеслась к лесу. Сэмюэль погнался за ней по склону холма, но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал позади голос тети:

— Сэмюэль! Остановись! Остановись! Сию же секунду возвращайся!

Обернувшись, он увидел тетю Иду, стоявшую возле дома и сжимавшую в руке нож, которым она нарезала обед для Ибсена.

При нормальных обстоятельствах он бы продолжал бежать. Ведь те вещи, которые тебе запрещают делать родители и тети, обычно оказываются самыми увлекательными и стоят двойных усилий.

Но когда Сэмюэль увидел, как черная кошка стрелой промчалась по сосновым шишкам и исчезла в туманной темноте между деревьями, он остановился. Не потому, что тетя Ида приказала ему остановиться. И не потому, что он запыхался, пока бежал против ветра. Нет, он остановился из-за внезапного страха, охватившего его, когда он приблизился к лесу, страха, который казался реальным и плотным, как кирпичная стена.

Он немного постоял на месте, вглядываясь в шершавые стволы сосен, которые теперь темнели всего в нескольких

метрах от него. Они были похожи на грозные ворота, ведущие в тенистую и неизведанную землю. Сэмюэлю послышался какой-то звук. Станный далекий выкрик, который, казалось, не принадлежал к тому миру, который он знал.

А затем он увидел движущийся силуэт. Темноту, перемещавшуюся на фоне темноты, там, где только что была кошка. Птица? Он не знал. И не хотел знать. Он повернулся и зашагал к тете, имевшей изрядно напуганный вид. Спускаясь по холму, он не заметил, как белый ошейник, подхваченный ветром, покатился вниз по холму, перелетел через дорогу и исчез в направлении дальнего фьорда.

Полет ведьмы теней

С помощью простого поворота шеи Ведьма теней превратилась из черной кошки в черного ворона, и оставшийся ошейник точно по размеру сжался вокруг ее шеи.

Ведьма лавировала между деревьев, держась низко над землей. Она миновала покинутую деревню хюльдр, где в домах лежали скелеты, и каменные дома троллей; все дальше и дальше летела она, прокладывая путь между сосен, пока не достигла поляны на севере леса.

Там стояло дерево. Дерево с исполинским темным стволом, которое было больше самых больших деревьев во внешнем мире. Среди его ветвей был устроен огромный деревянный дворец. Громадное дерево стояло особняком, вдали от других сосен, обрамлявших поляну. Оно было известно – среди тех, кому оно вообще было известно, – как Безмолвное дерево.

Ведьма теней влетела в окно дворца и приняла свое истинное обличье, превратившись в седую сморщенную старуху с черными глазами, с каждым выдохом выпускавшую изо рта струйки теней.

– Хозяин, у меня есть новости.

Человек, к которому она обращалась, сидел, ссутулившись, за письменным столом. В руке он держал перо, а перед ним лежал чистый лист пергамента. И то, и другое наколдо-

вала ему его слуга, Ведьма теней. Это комната была его кабинетом, и здесь он проводил теперь большую часть своего времени. Возле письменного стола стоял книжный шкаф, на полках которого была только одна книга (зато представленная во множестве экземпляров). Это был бестселлер, который он написал много лет назад: книга под названием «Существа Тенистого леса». На верхних полках шкафа вместо книг стояли головы. В банках. Головы тех, кого он называл Врагами леса. Это были те существа, которые попытались – и не смогли – сбежать во Внешний мир.

Этого человека звали Профессор Тэнглвуд, и в течение последних десяти лет он работал над своей книгой. Все это время он пытался написать историю своей жизни, но до сих пор не мог придумать достойное начало.

– «Я родился ясной звездной ночью», – пробормотал он себе под нос. – Нет! Дрянь! Никуда не годится!

Ведьма теней вежливо кашлянула:

– Хозяин.

– Да! Что такое? – рявкнул он, не оборачиваясь.

– Хозяин, я принесла тебе новости, – Ведьма теней сама слышала, как нерешительно прозвучал ее голос. Хотя прошло уже столько лет, человек, властвовавший над нею, до сих пор вселял в нее ужас.

– Говори, – скомандовал он. – Го-во-ри.

И тогда Ведьма теней заговорила, обращаясь к затылку профессора:

– Хозяин, я была во Внешнем мире, следила за белым бревенчатым домиком, как ты мне приказал. Я просто сидела на траве, когда вдруг увидела... мальчика. Человеческого мальчика, хозяин.

– Мальчика? – Профессор Тэнглвуд повернулся в своем кресле. У него было длинное худое лицо, пожилое, но не такое старое, как у ведьмы. Под левым глазом виднелся узкий горизонтальный шрам. Волосы Профессора Тэнглвуда все еще были темными, и в менее злой версии мира он, возможно, считался бы весьма привлекательным.

– Да. Мальчика, хозяин. Он подошел ко мне. Я сидела неподвижно, так что смогла хорошо его рассмотреть, но затем он попытался схватить меня и...

Колючие глаза ее хозяина были направлены на ее запястье.

– На тебе всего один браслет, Ведьма теней. Черный. Где же другой? – Он встал и подошел к ней.

– Хозяин, мальчик попытался схватить меня, так что я рванулась прочь, но он держался за белый браслет – браслет, который я украла у сестры. Я попыталась вернуть его колдовством, но ты же знаешь, как я слаба вне леса. Все, на что я оказалась способна, – это заклинание по стиранию памяти, так что мальчик забыл о браслете. Хозяин, прости меня.

Профессор Тэнглвуд закрыл глаза, вздохнул и произнес голосом спокойным и жутким, как кладбищенский ветер:

– Ты потеряла браслет.

– Хозяин, прости меня.

– Прости? Довольно бесполезное слово, не так ли? Что оно может сделать, это «прости»? Может быть, вернуть браслет? Или помешать любопытному ребенку войти в лес? Или, возможно, написать мои воспоминания?

– Нет, хозяин, оно этого не может.

Профессор Тэнглвуд долгим взглядом посмотрел на Ведьму теней, размышляя, когда же настанет тот долгожданный день, когда он убьет ее и похитит ее силы.

– Этой ночью мне приснился сон.

– Сон, хозяин?

Профессор кивнул.

– Сон о том, что два ребенка вошли в лес. – При воспоминании об этом уголки его губ растянулись в улыбку. – Они были убиты какими-то существами. Думаю, это была стая летающих головостуков. Ах, слышала бы ты этот восхитительный звук! Я смотрел, как они умирают. Я смотрел и слы-

шал их крики, и это меня утешало. А после того как дети умерли, весь лес заплодировал. Все хюльдры, тролли, пикси и все остальные. Они аплодировали мне, словно осознав вдруг, зачем я внес перемены. В тот миг они знали, что я спаситель, уберегший их от людей. Которым я, разумеется, и являюсь. Видишь ли, Ведьма теней, даже твоя глупость не может поставить лес под угрозу. Ибо что самое плохое, что может произойти? То, что мальчик найдет белый браслет и решит нанести нам визит. Но ведь все мы знаем, что белая магия не чета черной. Впрочем, гораздо более вероятно то, что мальчик войдет в лес без защиты, которую дает браслет. А если это случится, его смерть будет такой же неизбежной, как восход солнца.

– Да, хозяин, – подтвердила Ведьма теней, выдыхая облачка черного пара.

– Оставь меня, – произнес он. – Мне нужно заняться книгой, ибо в тот день, когда все существа узнают, как много я сделал для их защиты, они полюбят меня. И тогда не будет ни сопротивления, ни попыток сбежать, и в любом месте леса, где бы я ни появился, будет раздаваться один и тот же возглас: «Да славится Профессор Тэнглвуд, ибо он – Мастер перемен!» А теперь иди, Ведьма теней. Иди. Но оставайся в лесу. Я не могу доверить тебе выходить за его пределы. Ты поняла меня?

– Да, хозяин.

Ведьма теней склонила голову и снова обернулась воро-

ном. Она вылетела в то же окно, в которое влетела, и начала бесцельно парить над деревьями, глубоко печалась по браслету, который она потеряла. Печалилась она также и по мальчику, которого встретила на опушке. По мальчику, который – она знала это – однажды войдет в лес и никогда не вернется назад или вернется измененным до неузнаваемости.

Она летела так высоко, что ей был виден белый бревенчатый домик, и думала о людях, находившихся в нем.

«Оставайтесь там, – подумала она. – Оставайтесь в безопасности».

На кухне

Ветер со злостью бился в окно кухни, и такая же злость отражалась на лице тети Иды.

– Ты нарушил мое правило, – сказала она, отрезая последний кусок красного мяса, предназначенного Ибсену на ужин. – Самое важное правило.

– Я не нарушал его, – возразил Сэмюэль. – Я не заходил в лес.

– Да? А что же ты делал? Ты был прямо на фершине, – она поискала нужное слово, – склона... ты собирался войти в лес, не так ли?

Сэмюэль помедлил.

– Там была кошка.

– Кошка?

– Черная кошка. Я шел за ней. А она убежала в лес. Оставьте ваши трусики на себе³.

Тетя Ида смутилась:

– Не понимаю, какое отношение к этому имеет мое нижнее белье.

– Это просто такое выражение.

– Ну, в Норвегии такого выражения нет. В любом случае, ты должен понимать, что я не придумываю правила просто

³ Keep your knickers on (англ.) – устойчивое выражение, означающее «успокойся, не злись».

для забавы. Я не сижу и не думаю: «Ага, дафайте-ка сегодня придумаем правило, просто так. Дафайте носить только зеленую одежду, потому что сегодня вторник». У меня есть определенные причины для того, чтобы не пускать вас в лес.

— Ну, а я собираюсь пойти в лес, — Сэмюэль проверял тетю. На самом деле его не особо тянуло в лес, но ему хотелось узнать, почему это было так важно.

И вот тогда-то, посмотрев на тетино рассерженное лицо и сжатые в ниточку губы, он кое-что понял. «Она не имеет надо мной власти».

Всю жизнь родители Сэмюэля контролировали его, запрещая делать всякие вещи.

Если он получал плохие оценки в школе, ему запрещали играть в игровую приставку.

Если он приходил домой слишком поздно, на следующий вечер ему запрещали идти гулять.

Если он дрался с сестрой, ему не давали карманных денег.

Поэтому большую часть времени он сдерживал себя, думая о том, что он потеряет, если поведет себя не так.

Но что он мог потерять теперь?

Он потерял маму и папу. Он потерял половину сестры (ту половину, которая болтала, улыбалась и пела). Он потерял всех своих друзей. Он не мог смотреть телевизор или атаковать другие планеты на игровой приставке.

Какое наказание могла придумать для него тетя Ида?

Ее еду он и так ненавидел, поэтому мысль о том, что его

оставят без обеда, ничуть его не пугала. Она могла отправить его в комнату – ну и что с того? Там было не более скучно, чем во всех остальных скучных комнатах.

Она не могла придумать наказание, которое было бы страшнее воспоминаний, хранившихся у него в голове. Воспоминаний о том, что случилось на трассе В-642. Так что терять ему было абсолютно нечего.

– Да, я собираюсь пойти в лес, – повторил он. – Однажды, когда вы не будете следить за мной. Я пойду туда и увижу, что там такого особенного, о чем вы не можете даже говорить. Вы не сможете наблюдать за мной все время.

Тетя Ида бросила на него свирепый взгляд.

– Но почему же ты будешь делать это после того, как я тебе объяснила, что это нарушение самого фажного правила?

– Потому что мне скучно, – ответил Сэмюэль. – Чем я, по-вашему, могу здесь заняться? Тут нет телевизора. Тут ничего нет! Только куча книг, написанных на норвежском, с дурацкими словами и дурацкими буквами вроде æ, ø и å.

– Ох, – вздохнула тетя Ида, – ты думаешь, это какая-то игра? Тебе кажется, что очень фесело нарушать правила твоей скучной старой тетки и ее скучного старого дома? А если я скажу тебе не бегать по краю пропасти, ты что, все равно станешь бегать по краю пропасти?

– Это не пропасть, – возразил Сэмюэль. – Это всего лишь деревья.

Тетя Ида засмеялась. Но смех этот не был радостным.

Это был резкий пронзительный смешок, который разнесся по всему дому:

– Ха!

Марта, услышав этот звук из гостиной, оглянулась на брата, стоявшего на кухне. Громкий тетин смешок вернул ее назад к реальности, пусть и всего на одно мгновение.

– Ха! Всего лишь деревья! – воскликнула тетя Ида. – Если бы это были всего лишь деревья, думаешь, я бы сама не показала тебе лес?

Сэмюэль пожал плечами.

– Пожалуйста, Сэмюэль. – Пока тетя Ида боролась с особенно жестким куском мяса, Сэмюэль заметил, что она едва не плачет.

И тогда он нашел в себе силы сказать то, что вчера казалось ему таким трудным.

– Я... простите меня, – произнес он и почувствовал, что после этих слов ему стало легко, как будто он сбросил с плеч тяжелую ношу.

– Ох, Сэмюэль, – сказала тетя Ида, сдерживая слезы. – Ты прав. Одних правил недостаточно. Я не могу просто запретить тебе ходить в лес. В конце концов, ты федь мальчик. А для мальчиков правило – что-то вроде игрушки: что-то, с чем можно поиграть и посмотреть, как оно ломается.

Тетя Ида закрыла глаза и медленно выдохнула воздух через нос, показывая, что она собирается принять очень важное решение.

– Я должна рассказать тебе про лес, – прошептала она так тихо, что ее мог услышать только Сэмюэль. – Я должна рассказать тебе о том, что случилось с дядей Хенриком.

– А Марта? Ей вы об этом расскажете? – спросил Сэмюэль, оглянувшись на гостиную, где Марта сидела на коврике в обнимку с Ибсеном.

Тетя Ида нахмурилась:

– По-твоему, ей мало своих темных страхов в голове?

Сэмюэль затряс головой:

– Нет. Мы ей расскажем, но позже. Это будет наш с тобой секрет, понимаешь? Наш секрет. Очень фажный секрет. А теперь я пойду в холл накормить Ибсена, а после этого все тебе расскажу. О'кей?

– О'кей.

– Ибсен! Ибсен! Мербрад! Мясо!

Пес поднял голову с коврика и взглянул на Марту, как будто говоря тете Иде: «Я приду через пару минут. Но пока я должен еще немного побыть с Мартой».

Сэмюэль смотрел, как тетя Ида несла в холл миску с мясом.

Вернувшись, она приняла решительный вид, потому что история, которую она собиралась поведать, требовала от нее немало сил и храбрости. Она снова закрыла глаза и глубоко вздохнула, как будто готовясь нырнуть под воду.

– Ты слушаешь? – спросила она.

– Да, – ответил Сэмюэль.

– Тогда я начну...

Рассказ о том, что случилось с дядей Хенриком

Дядя Хенрик был замечательным челофеком. Он был лучше всех, кого я когда-либо знала. И мне несказанно повезло, что я фообще его встретила. Он занимался прыжками на лыжах с трамплина, а я была метательницей копья.

Это было двадцать пять лет назад. Мы оба были спортсменами, и не будет таким уж хвастовством сказать, что мы были весьма хорошими спортсменами, потому что мы оба участвовали в Олимпийских играх... Да, Сэмюэль, это правда... Твоя скучная старая тетка однажды участвовала в Олимпийских играх.

Я кидала копье! Я так и не выиграла медаль, но я была близка. Очень близка. Иногда я думаю, что если бы поспала тогда на час дольше или съела еще одно яйцо на завтрак... Но, в любом случае, мне не о чем жалеть.

Спустя два года меня пригласили на церемонию закрытия Зимних Олимпийских игр в Инсбруке. Этот город находится далеко за теми горами, которые ты видишь из окна. Это были те Зимние Олимпийские игры, на которых Хенрик выиграл серебряную медаль за прыжки с трамплина... Ах, ваш дядя был потрясающим прыгуном с трамплина... У него не было страха. Фообще. Он взлетал в фоздух так высоко, что

казалось, будто ты смотришь на человека, укравшего у птиц секрет полета. Он проводил в фоздухе едва ли не целые минуты, так далеко наклоняясь вперед, что носом почти касался своих лыж. Ох, это было нефероятное зрелище!

Ну, так фот, тогда-то я и встретила его. Мы полюбили друг друга и поженились, и это было прекрасно. Нам не хотелось расставаться ни на минуту.

– У меня есть чудесная идея, – сказал мне Хенрик. – Мы переедем в дом далеко на севере и купим коз. Мы сможем делать свой сыр.

Мне казалось, что это глупая идея, и я боялась, что позже Хенрик будет сожалеть о своем решении. Он всегда любил сыр, но у него были все шансы выиграть золото на следующих Зимних Олимпийских играх. А быть золотым медалистом – это гораздо лучше, чем быть фермером и разводить коз!

Но Хенрик был настойчив.

– Ты единственная награда, которая важна для меня, – сказал он мне.

И мы сделали это. Мы проехали через туннели в горах и прибыли в этот дом, где мы сейчас находимся. Он был идеален. Слишком идеален, подумала я, потому что он стоил всего сто крон. И я была права. Фидишь ли, скоро мы узнали, что последний человек, живший в доме, пропал... в лесу.

Жители Флома толковали о лесных существах. Хюльдры, ведьмы, тролли, пикси и сотни других. Они рассказывали

об ужасном создании, которое властвует над лесом, по имени Мастер перемен. Конечно, я думала, что невежественные сельчане просто несут какую-то чушь. Федь ясно, что все эти создания существуют только в сказках и детских книжках.

Однако мне было любопытно, как человек мог просто так исчезнуть. Поэтому я решила разузнать что-нибудь про предыдущего хозяина. Я узнала, что он был англичанином, профессором, его звали Горацио Тэнглвуд. Сельчане все нам о нем рассказали.

Они рассказали, что он был очень высокомерным человеком, который десять раз просил Старого Тора нарисовать свой портрет.

Он был профессором по норвежскому фольклору. Это значит, что он изучал всех тех странных тварей, в которых ферили люди в Норвегии, пока наука и Библия не объяснили им, что тролли, хюльдры и пикси не могут существовать в реальности.

Выяснилось, что Профессор Тэнглвуд пропал во время своего второго похода в лес. В первый раз он спасся и тогда-то и дал лесу его имя. Тенистый лес, или Мерке Ског, как называют его норвежцы. Он пофедал всем о своем опыте в книге под названием «Существа Тенистого леса», в которой говорилось о том, что истории о троллях и хюльдрах – чистейшая правда. Также там описывались многие другие твари. Всего больше сотни. И все были одинаково смертоносны. Он написал, что все лесные твари находятся под властью

жестокое существо по имени Мастер перемен, который не останавливается ни перед чем, только бы не позволить людям проникнуть в лес и открыть его тайны.

Эта книга сделала профессора посмешищем в Бергенском Университете, где он работал. Говорили, что он так долго изучал мифы, что утратил связь с реальностью. Но ни у кого не хватало мужества пойти в лес и проверить, правду ли он говорил. И тогда люди стали бояться еще сильнее.

Почему? Да потому что, когда профессор во второй раз отправился в лес, он больше не вернулся.

Я сказала дяде Хенрику, что мы ни в коем случае не должны ходить в лес, и дядя Хенрик согласился со мной. Каждое утро мы вставали, доили наших коз, и Хенрик делал сыр в той комнате, что находится за кухней. Вон в той, с желтой дверью. Теперь это фанная.

Наш сыр «Гейтост» скоро стал самым популярным в округе. Жители Флома не дураки, когда дело касается сыра.

У этого сыра был идеальный вкус и идеальная структура, и он был легче обычного «Гей-тоста». Он был золотистого цвета, не слишком коричневый. Фот почему Хенрик назвал его «Золотая медаль». Он говорил мне: «Фидишь, я все-таки получил свою золотую медаль!»

Он так гордился этим сыром. Так, так гордился. Он любил сыр даже больше, чем когда-то любил прыжки с трамплина. Оскар, бакалейщик, тоже любил сыр Хенрика и заказывал его у нас на год вперед... Мы с Хенриком были так

счастливы, и мы зарабатывали очень много денег. Мы были преуспевающими – помнишь, как по-норфеджски будет «преуспевающий»?.. Правильно, Сэмюэль. Хелл.

Итак, на чем я остановилась? Ах да, сыр. Мы зарабатывали много денег, и это было золотое время смеха, горящих дров в камине, теплых объятий и вкусного сыра. Но потом кое-что произошло. Кое-что плохое. И это навсегда изменило нашу жизнь.

Существа тенистого леса

Сэмюэль был захвачен рассказом тети Иды. Он размышлял, была ли она тогда такой же, как сейчас. Была ли она такой же строгой и застегнутой на все пуговицы. Он сомневался в этом. Так что же случилось с дядей Хенриком?

По мере того как тетя Ида приближалась к кульминации рассказа, ей становилось все труднее продолжать повествование. Она вдруг остановилась – внезапно, как человек, только что заметивший, что бежит к краю пропасти. Она сделала себе чашку яичного кофе и налила Сэмюэлю морошкового сока.

За дверью Ибсен со скрежетом возил железную миску по полу, вылизывая последние капли своего ужина.

– Ладно, – сказала тетя Ида, подув на свой кофе. – Теперь я расскажу тебе, что было дальше.

Она глубоко вдохнула, как будто собираясь нырнуть. И когда она начала говорить, ветер, бившийся в окно, вдруг затих, словно остановившись послушать ее рассказ.

– Мы поняли, что что-то не так.

Наши козы стали пропадать. Каждую ночь одна из них просто-напросто исчезала. Дядя Хенрик был в таком отчаянии, что пошел в Флом и рассказал об этом жителям... ну, ты можешь представить, что они сказали. Они винили во всем лесных тварей. А именно троллей. Тролли известны тем, что

крадут коз, сказали они ему.

Я велела Хенрику не слушать этих невежественных людей, которые жили в плену суефений. Но Хенрик возразил, что это единственное возможное объяснение. В округе не было других фермеров, которые могли бы украсть наших коз, и Хенрик сказал, что козы не могут случайно пропадать каждую ночь.

И тогда, в тот день, когда мы потеряли нашу одиннадцатую козу, он пошел в книжный магазин в Фломе и купил книгу Профессора Тэнглвуда. В ней говорилось, что тролли известны тем, что крадут коз, а также убивают людей.

Чем дальше он читал, тем больше начинал верить «Существом Тенистого леса». Он сидел и проглатывал одну страницу за другой, не отрываясь от книги часами.

Дочитав книгу, Хенрик сказал, что есть только один способ найти наших коз: пойти в лес. Я напомнила ему о данном мне обещании – не поддаваться соблазну идти в лес, в котором пропал человек. Но я знала, что это бесполезно. У него был такой же взгляд, как перед прыжком с трамплина. Он только повторял: «Никто не может украсть безнаказанно – даже тролли».

Я сказала ему: «Я пойду с тобой», но он попросил меня остаться и присматривать за оставшимися девятью козами. Я говорила: «Люди не возвращаются из этого леса». А он отфечал: «Не возвращаются только те, кто не хочет вернуться. Не волнуйся, Ида, любимая, что бы ни случилось, я всегда

найду дорогу к тебе. Ни один тролль не сможет меня остановить. Я обещаю».

И он отправился в лес, а я ждала его. Я ждала, ждала... Через три дня я пошла в Флом. Я объявила в полиции, что он пропал, но они только отнекивались, сказав, что Тенистый лес – не их территория. Я рассказала всем, что он пропал, но никто не осмелился пойти в лес на его поиски. Никто, даже Оскар, который так много заработал на его сыре.

Я продолжала каждую ночь следить за козами, как велел Хенрик, но я не могла обходиться совсем без сна, и когда я в итоге засыпала, пропадала очередная коза. И так продолжалось до тех пор, пока коз совсем не осталось. Ни коз, ни Хенрика.

В то утро когда я обнаружила пропажу последней козы, был сильный снегопад. Ранним утром я вышла из дома в поле и уфидела на снегу отпечатки ног, идущие от леса. На секунду мое сердце подпрыгнуло от счастья. Хенрик вернулся! Но потом я поняла, что следы заворачивают и возвращаются в лес. Я всмотрелась в них повнимательнее и обнаружила, что это были отпечатки не ботинок, а босых ног. И не просто ног, а огромных ног с тремя пальцами. Следы тролля. Все это время Хенрик был прав. Это тролли крали наших коз и утаскивали их в лес! И только Богу известно, что они сделали с Хенриком.

Я была в отчаянии. Я не знала, что делать. Я часто лежала без сна, думая о том, что могло случиться с ним в лесу. Но

я научилась следить за собой и держать эти мысли под контролем – я еще не была готова сойти с ума.

Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, не захотелось ли мне пойти за ним в лес? Ну, могу тебе сказать, что много раз я паковала рюкзак, надевала ботинки и хватала свое копье, готовясь идти на его поиски.

Но каждый раз, когда я уже шла по пустому полю, где больше не было коз, я чувствовала, как что-то меня удерживает. Я вспоминала, как он просил меня ждать его дома, и слышала его последние слова: «Что бы ни случилось, я всегда найду дорогу к тебе». Может быть, это было просто моей слабостью. Может быть, я была слишком напугана. Но я так и не смогла заставить себя войти в лес.

И я остафалась дома, стараясь занять себя чем угодно: книгами, вязанием и другими вещами, которые могли меня отвлечь. Я молилась о какой-нибудь компании, о чем-то, что позволило бы мне не сидеть сложа руки, и, видимо, мои молитвы были услышаны, потому что однажды утром я нашла бродячую собаку, спавшую на трафе. Да, правильно. Это Ибсен. Возможно, он не такая хорошая компания, как ваш дядя, но определенно лучшая, чем коза. И благодаря ему я почувствовала себя в безопасности. Он стал моим защитником от троллей.

Прошло время, и ужасные мысли о том, что могло случиться с Хенриком в лесу, сменились более приятными. Например, воспоминаниями о нем – о том, как он летит по воз-

духу на своих лыжах, или улыбается, нюхая свой сыр «Золотая медаль».

Конечно, было бы проще, если бы мне не приходилось каждый день видеть эти жуткие деревья. Но я не могу переехать – так же, как не могу войти в лес. И, в любом случае, теперь у меня есть ты и Марта... Какая команда, а? Ибсен, Сэмюэль, Марта и старая тетя Ида.

Сэмюэль посмотрел на тетю и увидел, что в ее глазах блещут слезы, которые она пытается скрыть. Он отхлебнул морошкового сока, как будто пытаюсь избавиться от неприятного вкуса во рту.

Тролли, хюльдры и сотни других существ, живущих в лесу возле дома... В это невозможно поверить. Он и не поверил. По крайней мере, не до конца. В конце концов, что доказывают следы на снегу? И почему он должен верить в сумасшедшего профессора?

Но он вспомнил свой собственный страх, охвативший его, когда он смотрел в темноту между деревьями, и проглотил остатки сока.

– Итак, – сказала тетя Ида. – Теперь ты все знаешь.

– Да, – ответил Сэмюэль, хотя это было и не совсем так.

Он вышел из кухни и присоединился к сестре, сидевшей в гостиной. Она глядела в заднее окно, выходившее на лес.

– Марта, – позвал он.

Сестра повернулась к нему. И он увидел ее взгляд, ставший бессмысленным от страха.

– Марта...

Он не знал, что сказать.

Ночные песни

Посреди ночи Сэмюэль проснулся от звуков пения.

Этот звук был совсем тихим. Но Сэмюэль спал некрепко, и этого звука оказалось достаточно, чтобы он открыл глаза и заинтересовался тем, что услышал.

Он лежал в темноте, ожидая возвращения голоса, но ничего не происходило. Было слышно только, как дождь мягко стучится в окно. Он перекатился на другой бок и посмотрел на темный силуэт сестры, спавшей глубоким сном без сновидений.

А потом он снова это услышал. Пение.

Я знавал говорящее дерево,

И его я учил улыбаться.

Я сказал: «Извини меня, дерево,

Если хочешь ты покрасоваться,

Будь как я, улыбнись: это модно,

Привлекательно и благородно».

Песенка показалась Сэмюэлю давно знакомой и похожей на те детские песенки, которые часто напевала его мама. Он знал, что откуда-то помнит этот голос. И язык. Сэмюэль скинул одеяло и подошел к окну. Выглянув сквозь шторы, он всмотрелся в темную дождливую ночь и поначалу не увидел

ничего. Все вокруг было такого же фиолетово-черного цвета, что и небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.